

А. П. Сковородников, Г. А. Копнина

Красноярск, Россия

A. P. Skovorodnikov, G. A. Kopnina

Krasnoyarsk, Russia

**СПОСОБЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО
РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ**

**WAYS OF MANIPULATIVE
SPEECH INFLUENCE
IN RUSSIAN PRESS**

Аннотация. Рассматриваются способы (тактики) манипулятивного воздействия в российской прессе в контексте проблемы информационной безопасности общества и личности. Особое внимание обращается на разоблачение этих тактик самими журналистами.

Abstract. This article deals with the ways (tactics) of manipulative influence in Russian press in the context of informational security problem of society and personality. Special attention is paid to the exposure of tactics by journalists themselves.

Ключевые слова: речевое воздействие; манипулятивная тактика; информационная безопасность.

Key words: speech manipulation; manipulative tactics; information security.

Сведения об авторе: Сковородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры русского языка и речевой коммуникации.

About the author: Alexander Petrovich Skovorodnikov, Doctor of Philology, Professor-Consultant of Russian and Speech Communication Department.

Место работы: Сибирский федеральный университет.

Place of employment: Siberian Federal University.

Контактная информация: 660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а, оф. 2-42.

e-mail: skapnat@mail.ru.

Сведения об авторе: Копнина Галина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и речевой коммуникации.

About the author: Kopnina Galina Anatolievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Russian and Speech Communication Chair.

Место работы: Сибирский федеральный университет.

Place of employment: Siberian Federal University.

Контактная информация: 660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а, оф. 2-42.

e-mail: gkopnina@mail.ru.

Как отметил Д. А. Медведев, угрозой национальной безопасности являются «засилие продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев, а также противоправные посяательства на объекты культуры», «попытки пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории, пропаганда образа жизни, в основе которого — вседозволенность и насилие, расовая, национальная и религиозная нетерпимость» [Президент... 2009]. В связи с этим разработка проблемы речевой манипуляции приобретает особое значение в аспекте информационной безопасности общества, понимаемой нами как высокая степень его защищенности от перечисленных выше информационных угроз. Элитарный уровень коммуникативной культуры предполагает знание технологий речевой манипуляции, умение видеть манипулятивные тактики и соответствующие приемы их языкового оформления, а также способность им противостоять. Необходимость таких знаний начинает осознаваться нашим обществом, о чем свидетельствуют многочисленные публикации по проблемам манипулятивного речевого воздействия (см. библиографический

указатель [Копчева 2007], а также статьи в журнале «Политическая лингвистика», напр.: [Геворгян 2011; Окунева 2011; Сергеева 2012] и др.).

Под речевой манипуляцией (манипулированием) мы понимаем вид речевого воздействия, который осуществляется путем использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата в интересах манипулятора. Среди многочисленных тактик, реализующих манипулятивную стратегию, можно выделить тактики, которые относительно легко узнаются более или менее подготовленным адресатом, и тактики трудноопознаваемые, требующие для вычленения значительных фоновых знаний в области гуманитарных дисциплин, в частности лингвистики. Основную задачу статьи видим в показе этих тактик как в ходе анализа отдельных примеров манипуляции в российской прессе, так и с помощью приведения разоблачающих наблюдений журналистов. Отметим, что рекламные тексты, а также тексты изовербальные нами для анализа не привлекались, в силу того что первые из них уже достаточно хорошо изучены, вторые же могут составить предмет

отдельного исследования.

Сравнительно легко узнаваемыми являются следующие тактики.

- Тактика фамильярного именованья лица или уничижительного обращения к нему, например обращение журналиста к президенту Российской Федерации Дмитрию Анатольевичу Медведеву: *У вас, Дмитрий* (здесь и далее жирный курсив в иллюстрациях принадлежит нам. — А. С., Г. К.), *в запасе еще два года. Успеете. Но медлить нельзя. Успехов, малыши!* (Завтра. 2010. № 33).

- Тактика сопоставления кого/чего-либо с заведомо негативно оцениваемыми лицами, фактами и т. д., например сопоставление Лукашенко с такими деятелями, как Фидель Кастро и Ким Чен Ир: *...Вот только обращаться к России с просьбой заставить Лукашенко соблюдать права человека — тут польские чиновники явно погорячились. С таким же успехом можно было просить повлиять на Лукашенко Фиделя Кастро или Ким Чен Ира* (Литературная газета. 2005. № 25).

- Тактика намека, направленная на то, чтобы вызвать у адресата ментальное состояние подозрения: *Или вот возьмем канал Russia Today. 30 млн долларов — это только начало. А потом? Потом можно ходить по олигархам и собирать деньги на освещение светлого образа Кремля. <...> Организаторы сами рассказывают — деньги на мероприятие собирали с бизнесменов. Те были рады помочь. А теперь скажите: вы знаете, сколько денег собрали с бизнесменов? А сколько потратили?* (Новая газета. 2005. № 53).

- Тактика снижения образа какого-либо деятеля при помощи создания иронического, сатирического или саркастического контекста, в который погружается объект дискредитации, например: *На днях мэр Москвы г-н Лужков смущенно продемонстрировал свою голову, на которой красовался огромный синячище. Сам, без всякой французской полиции и прессы, честно признал, что долбанулся о лыжню при спуске. Обратите внимание. Обычно на горных лыжах ноги-руки ломают-вывихивают. А тут человек именно головой пострадал. А почему? Потому что голова тяжелая, заботами переполненная, перевешивает* (Советская Россия. 2007. № 18).

- Тактика генерализации (неоправданного обобщения): *Российская Федерация перед лицом мирового сообщества отчетливо, вслух призналась в том, что гуманное лечение животных у нас считается преступлением. Вчера Замоскворецкий районный суд вынес обвинительное заклю-*

чение по делу ветеринара Александра Дуки, который применял анестезию при операциях своим пациентам (Новая газета. 2004. № 68).

- Тактика ухода от ответа на вопрос (ниже приведен фрагмент из интервью корреспондента «Аргументов и фактов» с Э. Шеварнадзе):

Э. Шеварнадзе. *<...> Вы спрашиваете, за что полюбили Америку? Когда нам было тяжело и мы в буквальном смысле умирали с голоду, <...> США нам прислали несколько сот тысяч тонн зерна. <...>*

— В то время России самой было не просто выживать. Но до сих пор Грузия сидит на дешевом российском газе и электроэнергии. Почему здесь это не ценят?

— Россия не могла помочь, а что нам было делать? Да у нас не было бы даже своей армии, если бы не американцы! Они десятки миллионов тратят на подготовку нашей армии и специалистов присылают (Аргументы и факты. 2005. № 26).

- Тактика сведения какой-либо информации к абсурду: *„...Есть у тебя кусок земли — под садом-огородом, приусадебным участком, дачей — это все твое. Распоряжайся, продавай. Что касается сельхозугодий, договорились — на земле все формы хозяйствования: колхоз, совхоз, ферма, крестьянское подворье. И право взять в АРЕНДУ столько земли, сколько нужно. С правом передать по наследству. Но продавать сельхозугодья нельзя! Завтра соседи богатые приедут и скупят через подставных лиц вашу землю. И вся страна будет в батраках у богатых соседей. Это очевидно почти каждому. Просто потеряем страну...“.*

В числе земельных „наделов“, перечисленных выше Зюгановым, недостает еще одного. Того, который гарантирован каждому россиянину при любом президенте. Размер этого участка невелик, всего 2,20 на полтора метра: под могилу. Зато он твой. Можешь оставить в наследство или продать. Потому как другой земли коммунисты не обещают (Очевидец. 1996. № 61). Сопоставление несопоставимого (включение земли под могилу в категорию сельскохозяйственной земли) является основой тактики доведения до абсурда.

- Тактика отрицательной характеристики человека через перечисление позитивных дел, которые он не совершал и в принципе не обязан был совершать, например (речь в отрывке идет о Г. А. Зюганове): *Биографию его почему-то не публикуют, наверное, нечем похвастаться. Комбайн не водил,*

прорабом на стройке не работал. Как хозяйственник — ноль. Даже зрение никому не возвращал и армией не командовал... (Очевидец. 1996. № 61).

- Тактика отрицательной характеристики человека путем указания на его внешность. Известный кинорежиссер Станислав Говорухин такого рода тактики подвергает критике: *Пробовали покопаться в биографии (Зюганова — А. С., Г. К.) — может, жену бросил, может, „на сторону ходил“, может, учился плохо, может, болезнь какая, хоть самая заваливающая, имеется, может, пьет горькую после работы — нет, ничего не нашлось, не за что зацепиться.*

Что придумали? <...> Сколько я слышал, особенно от творческой публики, самого податливого в руках гипнотизера материала, примерно одни и те же слова: „Ну нет, с такой мордой...“. <...> „Не могу себе представить нашего президента с таким лицом...“ (Завтра. 1996. № 47).

- Тактика лести, о чем свидетельствует такое описание: *Эти люди (манипуляторы — А. С., Г. К.) сегодня обращаются к вполне определенной возрастной и социальной аудитории: воспитанным в офисах детям столичных семей в районе 22—25 лет. Эти люди объясняют юношеству, что они — креативный класс, впервые отважившийся взять на себя ответственность за судьбу страны. И что этот взрослый креативный класс молодых специалистов, конечно же, не поверит ни в какие „руки Госдепа“. Ведь он же взрослый и креативный, так? А взрослые креативные люди в детские сказки про шпионов не верят. Шпионы бывают только русские (Литературная газета. 2012. № 3).*

- Тактика оперирования «идеологическими фантомами», т. е. словами и словосочетаниями с размытым значением и стереотипной позитивной или негативной коннотацией: *цивилизованные страны, политика реформ, свобода слова, демократия, гласность, независимые СМИ, общечеловеческие ценности, новое мышление, международная общественность, ускорение, права человека, стабильность, модернизация* и т. д. Как пишет Игорь Шафаревич в статье «Социализм или капитализм?», «...самая благодатная почва для обмана и махинаций, когда используются расплывчатые понятия и положения, в которые по желанию можно вкладывать разный смысл» (Литературная Россия. 1994. № 24).

О манипулятивной сущности такого рода идеологических стереотипов пишут многие авторы. Приведем пример оценок некоторых стереотипов: *Начатая Горбачевым „перестройка“ была преподнесена населению*

страны в броской пропагандистской упаковке. Излюбленными лозунгами стали такие, как „возращение на путь общечеловеческой цивилизации“, „новое мышление“, „общечеловеческие ценности“ и им подобное. Время быстро показало, что все эти словосочетания были лишены какого-либо практического смысла и представляли вульгарную пропагандистскую трескотню (Красноярская газета. 1994. № 53—54); При этом в качестве „общечеловеческих“ предлагаются вовсе не те ценности, которые действительно одинаково дороги для всех цивилизаций — <...> для мусульманина, конфуцианца, православного, католика, иудея и буддиста (Литературная Россия. 1995. № 28); Когда Путин попытается вернуть в Россию нефть и доллары „ЮКОСа“, американцы и англичане начнут кричать, что это нарушение прав человека и частного бизнеса (Аргументы и факты. 2008. № 4).

«Идеологические фантомы» выполняют роль словесного прикрытия некоторых неблагоприятных обстоятельств (и этим напоминают эвфемизмы). Об использовании «слов-прикрытий» пишут и сами журналисты, отмечая употребление на страницах газет следующих замен: вместо «геноцида» — «проявление межнациональной розни», вместо «расистов» — «хулиганствующие молодчики» (Литературная газета. 1990. 8 авг.); вместо «штаба помощи беженцам» — «штаб по оказанию помощи вынужденно покинувшим места постоянного проживания» (Литературная газета. 1990. 28 февр.); вместо «должностных привилегий» — «условия работы» (Красноярская газета. 1994. 8 окт.); вместо «развала государства» — «дезинтеграция» (Известия. 1995. 14 янв.); вместо «секты» — «движение», «церковь», «единение», «проповедники Принципа» (Известия. 1995. 17 мая).

Наряду с идеологемами-«прикрытиями», используются идеологеми с отрицательной коннотацией: *маргинальный, сталинизм, русская мафия, международный терроризм, империя, тюрьма народов* и др. Их разновидностью являются так называемые словесные ярлыки — слова или словосочетания с ослабленным денотативным значением и гипертрофированной отрицательной коннотацией, используемые для характеристики того или иного социально значимого объекта (политической партии, движения, страны, общественного деятеля и т. д.): *До сих пор еще стоит русскому человеку о себе во всеуслышание заявить, что он русский, что он любит свою родину Россию, свою культуру, как тотчас на него наклеивается ярлык: националист, шовинист, черно-*

сотенец, фашист (Наш современник. 1997. № 7); *Залуплена в ход чудовищная провокация глобального масштаба, перед которой отступает на задний план даже поджог рейхстага. Я имею в виду столь одержимо раздуваемый миф о русском фашизме* (Литературная Россия. 1990. № 12). Ярлыки используются для дискредитации и демонизации кого- или чего-либо, например: **Ксенофобия высшего пилотажа, которая распространяется вообще на все, что шевелится**, — я думаю, это и есть наша национальная идея (Новая газета. 2007. № 26).

Близки по функции к ярлыкам стандартные инвективы, которые отмечены в современной публицистике: *...Если по-прежнему по отношению к тем участникам событий, которые, жертвуя жизнью (а погибло много молодых людей), пытались отстаивать свое понимание справедливости и чести страны, употребляются и сегодня те же самые определения („стадо“, „городское дно“, „толпа“), то это тревожный сигнал всему российскому обществу* (Литературная газета. 2003. № 41).

Сложными для распознавания тактиками являются такие, для осмысления которых необходим анализ более широкого контекста (политического, исторического, философского, литературного и т. д.): тактика сокрытия манипулятором истинной цели под завесой декларируемых благовидных намерений или какой-либо иной информации; тактика искажения тех или иных значимых фактов, а также цитат; тактика ложного доказательства, состоящая в частности в искажении причинно-следственных отношений, «выдвижении» ложной информации в сильные позиции текста; тактика подмены понятий и некоторые другие, представленные, например, в статье «Встреча со свинском» (Новая газета. 2005. № 53). Приводим эту статью целиком без указания автора, потому что для нас важен текст, а не личность журналиста, стоящая за ним.

ВСТРЕЧА СО СВИНКОМ

«Я — русская.

Она — Россия, и это

Это не индульгенция»

ничего не объясняет

Месяца два назад в редакцию пришло письмо, обвиняющее меня в разжигании национальной розни. Поводом явилась заметка в спецвыпуске, посвященном делу «ЮКОСа», где я неосторожно рубанула правду, как мне казалось, матку о «балагановской страсти к воровству, заложенной в русской природе». Нападки группы авторов показались мне, честно говоря, настолько смехотворными, что я не среагировала на угрозы и не подумала извиняться перед русским народом, каковое условие группа патриотов ставила мне, угрожая судом и прокуратурой.

Надо отдать должное последовательности товарищей. И в прокуратуру заявили, и в Интернете развернули такой базар вокруг моей персоны, мама не горюй!

Люди, у(ис)пражняющиеся в Сети, щеголяя своей цеховой орфографией, уж как только меня там не носили. Особенно позабавила «фашыстка-пидараска». Впрочем, не о них речь.

Речь, конечно, как всегда, о национальной идее, над которой я, «фашыстка-пидараска», надглумилась.

«По факту национальной идеи и национальной же розни (как пишут в протоколах следствия) хочу довести до читателя» вот такой дивный эпизод. Не о Ходорковском, ни боже мой!

Гражданка смутной национальности (да хоть та же я) пришла на оптовый рынок, где чего только нет и собран форменный фонтан «Дружба народов», если кто помнит. Стоит, рассматривает по женской дурной привычке тряпки без очевидной цели купить. Торговец, кубанская казачка, вырывает вдруг у нее очередные корейские штаны из слабых рук и орет: «А ну хватит тут мацать товар, вали отсюда, жидовская морда!». Из-за соседнего прилавка выскакивает другой продавец с разъяренным лицом молдавской национальности и прыгает на товарку, как рысь. «Ах ты фашистка, — кричит, — чем тебе ее морда плоха, язык твой поганый, а хоть бы и жидовочка, извиняйся, сука, ешь землю!». Случившийся рядом татарин урезонирует женщин: «Гражданки, вы ж не на зоне, в том плане, при чем тут нация, все мы на данный момент россияне!». А моему другу Киселеву, русскому, как борзая, покупающему после вчерашнего десять бутылок воды, соплеменница из очереди, потеряв терпение (видимо, тоже от жажды), крикнула: «Понаехало этих узбеков, русскому человеку глотка кваса скоро не достанется!».

Допустим, многие русские с похмелья похожи на узбеков. При том, что узбеки — очень красивая нация, с глубоким чувством прекрасного. Но главное: почему у нас, россиян, чуть что — начинаются национальные разборки? Почему именно на базарно-трамвайном уровне ведутся семинары, как я пыталась разъяснить следователю в прокуратуре, по вопросу, может быть, самому тонкому и сложному? И уж точно — требующему широкого контекста.

Конечно, именно потому, что Россия, как лоскутное одеяло, сшита из сотен разных этносов и, соответственно, национальных самосознаний. До некоторых пор наиболее размытое национальное самосознание было у русских как у «большого брата», самого крупного этноса, не имеющего нужды защищаться. Одна моя приятельница, затесавшаяся невесть с какого бодуна в дворяне и дикие русофилы, порицала меня за дружбу с евреями и отсутствие национального самосознания: «У тебя же мама русская!». У меня, что интересно, и папа русский. У фамилии своя история, сейчас не об этом. Но что такое национальное самосознание русского человека, которым так озабочены мои обвинители и грамотеи из Сети, я понимаю очень приблизительно.

Ограждать себя от нападков по кровному признаку часто (сейчас уже реже) вынуждены евреи. Понятно.

Малые народы, пострадавшие от депортации. Тоже понятно. Татары (и вообще мусульмане), цыгане, азербайджанцы, армяне собираются на территории России в землячества также по понятной причине: сохранять автономию в ином культурном, этическом, конфессиональном, языковом контексте.

Чего так трясутся над своими метафизическими ценностями русские в России — режьте меня — не понимаю.

Почему это, пытаются грозно, уставя в меня частокол пальцев (хорошо, не стволы), страсть к воровству заложена в русской природе? Привлекаю как самый простой аргумент Карамзина, хрестоматийный портрет России: «Воруют...». Так то в России, говорят мне, а не в русской душе!

Прощай, немая Россия... Угадал меня Бог с умом и талантом родиться в России. В Россию можно только верить... Эх, Русь-тройка, куда, мол, скачешь, и так далее... *Не дает ответа Русь*. И не даст. Сама по себе Россия не объяснит нам ничего. Объяснит человек. Живущий на этой земле, говорящий на русском языке и по этой причине являющийся в любом общественном сознании русским. Эфиоп Пушкин, шотландец Лермонтов, немец Чаадаев, украинец Гоголь и еврей Мандельштам.

Тютчев 22 года прожил за границей и был, конечно, европейцем, иностранцем, хоть и русским, без сомнения. И неслучайно он, а не, скажем, Пушкин, никогда не покидавший Россию, придумал знаменитый парадокс о том, что умом не понять и аршином не измерить.

А если не понять, то как верить? Это же не бесконечность, не Вселенная, не Господь Бог и не частицы тахионы, движущиеся быстрее света, причем вспять времени. Это просто страна. Государство. Общность народов. Правда, страна очень большая, государство очень несправедливое, общность очень пестрая. Но отчего же не понять? Оттого, что речь идет, как и во всех хрестоматийных текстах, не о территории, а о «человеческом факторе». О так называемой загадочной русской душе.

Так вот об этой знаменитой загадке. Среди текстов, на эту тему популярных, есть один малоизвестный, впервые напечатанный в «Огоньке» на гребне перестройки. Это статья Горького о русском народе. О его глубокой безнадежности, *заложенной в природе*. О неискоренимом пьянстве, воровстве, жестокости, нищете духа.

Вероятно, сочетание этих национальных качеств с пресловутой духовностью, щедростью, жертвенностью и другими прекрасными свойствами русского же человека и составляет главную загадку «русского свинкса», которого оппоненты мне тоже шили как могли: кто да что, да почему я пишу через «в». Вот потому и пишу.

Нет такой национальности — «россиянин». И слова такого нет. Его Ельцин придумал. «Подай, батюшка, Христа ради...». — «Как же я тебе подам, россиянка, у меня ни мяча, ни ракетки!». Блок утверждал, что мы скифы. У Гумилева-сына теория еще интереснее. Но как ни крути, а мы русские. И когда из

под нашего лоскутного одеяла выбирается и едет куда-нибудь на ПМЖ любой из нас — грузин, еврей, даже немец из Казахстана, даже татарин оттуда же — для туземцев он всегда русский.

Меня в свое время буквально взбесила книга Петра Вайля «Карта родины», написанная брезгливо и декларативно со стороны. Попутешествовав по России, давно покинувший ее Вайль не нашел на всем своем в хлам изгаженном пути ничего путного, светлого, заслуживающего уважения. Дикий пассаж о следах вырождения на лицах семьи Ульяновых (с какими-то там надбровными дугами) объясняет многое. У писателя была задача показать миру умирающую, *вырождающуюся* Россию. Моя подруга-эмигрантка сказала мне шутку похлеще: русский язык скоро отомрет за ненадобностью. Ну так она и поглупее Вайля.

Я живу здесь. Говорю и пишу по-русски. И моя задача — русского журналиста, российского подданного, человека русского по крови и воспитанию — понять. И русский бунт, бессмысленный и беспощадный, и русскую интеллигенцию, непоследовательную и слабую, и русскую противоречивую душу, и многие другие идиомы. И если я все пойму, я поверю в Россию, где, как и в русском человеке, конечно, много дряни. Значит, надо копаться и в ней. Полагаю, я имею на это право, потому что я не просто сочувствующая. Я — русская. Это не индульгенция (как модно думать и писать с нарочитыми ошибками на отвязном анонимном сайте). Но это действительно многое объясняет.

Манипулятивная стратегия этого текста прослеживается начиная с эпиграфа «Я — русская. Это не индульгенция», который перекликается с концовкой текста: и там, и здесь утверждается принадлежность автора к русскому этносу, что якобы дает ему право высказывать любые негативные оценки русского народа. Общая квалификация русских людей дана в заголовке, в котором использован оценочный окказионализм «свинкс», образованный контаминацией двух слов: «сфинкс» и «свинья». Первое из этих слов отсылает нас к миниатюре И. С. Тургенева «Сфинкс», пафосом которой является загадочная душа русского народа (тем самым снижается позитивный пафос тургеневского текста). Уже в первом абзаце говорится без должных оснований о «страсти к воровству, заложенной в русском народе», причем данное утверждение усиливается приемом графического выделения и двукратным повтором этой мысли в последующем тексте. Тактика подчеркивания низкой культуры оппонентов автора текста осуществляется путем намеренного воспроизведения характерных элементов чужой речи: *„фашыстка-пидараска“, надглумилася*.

Конфликт на национальной почве, который якобы наблюдала автор на одном из

московских базаров, будучи частным случаем, возводится в ранг общенационального явления: *Но главное: почему у нас, россиян, чуть что — начинаются национальные разборки?* — и т. д., причем попутно дискредитируется понятие национального самосознания: *Но что такое национальное самосознание русского человека, которым так озабочены мои обвинители и грамотеи из Сети, я понимаю очень приблизительно. <...> Что так трясутся над своими метафизическими ценностями русские в России — режьте меня — не понимаю.* В данном случае используется тактика «надевания маски непонимающего», при этом категорические утверждения с негативными оценками (*озабочены мои обвинители и грамотеи; чего так трясутся*) создают определенную установку: признать проблему банальностью, не стоящей внимания. В свете этого интересной представляется мысль Д. И. Блохинцева из статьи «Рождение и смерть идей»: «Есть два способа бороться с ИДЕЯМИ: первый способ — это преследовать их. Способ, который обычно увеличивает число приверженцев. Второй способ — это признать их банальностью. Этот способ — убийственный для идей» (Литературная Россия. 1992. № 50).

К тактике неправомерной генерализации относится ссылка на слова М. Горького: «Эта статья Горького о русском народе. О его глубокой безнадежности, *заложенной в природе* (курсив автора анализируемой статьи). О неискоренимом пьянстве, воровстве, жестокости, нищете духа». Заметим, что эта мысль М. Горького выбивается не только из творчества писателя, но и из всего контекста русской классической литературы XVIII — начала XX в.

В тексте реализуется также тактика создания неприглядного физического облика русского человека: «...многие русские с похмелья похожи на узбеков». Используется и тактика подачи мифа — в данном случае исторического анекдота, приписываемого разным авторам, — как реального факта: «Привлекаю как самый простой аргумент Карамзина, хрестоматийный портрет России: „Воруют...“». Близкой к этой тактике является ссылка на известных писателей и ученых без пояснения логики аргументации и привлечения соответствующего контекста: «Блок утверждал, что мы скифы. У Гумилева-сына теория еще интереснее». Бездоказательным является также пассаж по поводу «русского свинкса» («...которого оппоненты мне тоже шили как могли: кто да что, да почему я пишу его через „в“. Вот потому и пишу»). Не соответствует действительности и

утверждение о том, что слово «россиянин» придумал Ельцин. Это слово активно употреблялось уже в XVIII в.

Наиболее сложной для разоблачения является тактика манипулятивного использования цитат в качестве аргументов: «Прощай, немытая Россия... Угадал меня бог с умом и талантом родиться в России. В Россию можно только верить... Эх, Русь-тройка, куда, мол, скачешь, и так далее... *Не дает ответа Русь*».

Первая фраза — «Прощай, немытая Россия...», — взятая из стихотворения М. Ю. Лермонтова, написанного в период его ссылки на Кавказ, свидетельствует не об отношении поэта к русскому народу, а о его обиде на правящий режим, о чем говорят такие строки: *Быть может, за стеной Кавказа / Сокроюсь от твоих пашей, / От их всевидящего глаза, / От их всеслышащих ушей.*

Фраза «Угадал меня Бог с умом и талантом родиться в России...» представляет собой искаженное место из письма А. С. Пушкина к жене от 18 мая 1836 г. В этом письме поэт высказывает недовольство тем, что в России цензура не оставляет своим вниманием журналистов (а Пушкин был не только поэт, но и журналист). Он недоволен тем, что если не будет критиковать правительство (что было модно в литературных кругах того времени), то либералы будут считать его журналистом, выражающим официальную точку зрения, как Фаддей Булгарин или Николай Полевой. Цитируем фрагмент письма: «Брюлов сей час от меня. Едет в Петербург скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получил уж полицейские выговоры и мне говорили: „Vous avez trompé“ (Вы обманываетесь. — А. П., Г. К.) и тому подобное. Что же теперь со мною будет. Мордвинов будет на меня смотреть, как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона; чорт догадал меня родиться в России с душою и с талантом! Весело, нечего сказать. Прощай, будьте здоровы. Цалую тебя» [Пушкин 1997: 117—118]. К национальному самосознанию Пушкина, его действительному патриотическому чувству этот факт не имеет никакого отношения. На протяжении всей своей жизни Пушкин был последовательным патриотом, что прослеживается, например, в таких стихотворениях, как «Воспоминания в Царском селе» (1814), «На возвращение государя императора из Парижа» (1815), «Перед гробницею святой» (1831), «Бородинская годовщина» (1831), «Клеветникам России»

(1831) и др.

«В Россию можно только верить...» — фраза из четверостишия Ф. И. Тютчева: *Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная статья — / В Россию можно только верить* (28 ноября 1866 г.). Не только это стихотворение, но и контекст всего творчества Тютчева свидетельствуют о том, что в данном случае речь идет об уникальности, самобытности России и русского народа («У ней особенная статья»), которую нельзя измерить общим аршином (европейскими мерками).

Фраза «Эх, Русь-тройка, куда, мол, скачешь, и так далее... *Не дает ответа Русь*» — отсылка (аллюзия) к одному из лирических отступлений в тексте «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, которое является гимном России и русскому народу и заканчивается такими словами: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят моты, все отстает и остается позади. <...> И мчится вся вдохновенная богом!... Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства» [Гоголь 1968: 245—246].

Как видим, журналист искажает до противоположности идеологию цитируемых произведений и их творцов. По мнению журналиста, объяснить суть России и русского национального характера могут «эфиоп Пушкин, шотландец Лермонтов, немец Чаадаев, украинец Гоголь и еврей Мандельштам». Таким образом, в тексте происходит подмена национального этническим, поскольку в определении национальной принадлежности главную роль играет не этническое происхождение, а отнесенность к определенной языковой общности, культуре, а также менталитет (национальное самосознание). Множественность взаимодействующих манипулятивных тактик делает затруд-

нительным их узнавание массовым адресатом, а следовательно, и понимание им истинных целеустановок автора текста.

Таким образом, современная российская пресса является не только сферой широкого использования манипулятивных тактик, но и полем для их разоблачения. Свободно ориентироваться в этой сфере может только тот, кто владеет контрманипулятивной компетенцией, т. е. обладает знанием манипулятивных технологий, умением их анализировать и интерпретировать в конкретном тексте. Пренебрежение такими знаниями и умениями представляет угрозу для информационной безопасности как отдельной личности, так и общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геворгян М. В. Актуализация тактики манипуляции лексикой в массмедийном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 76—78.
2. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 4 т. — М. : Правда, 1968. Т. 3 : Мертвые души.
3. Копочева В. В. Политическая коммуникативистика: проблемы теории политической коммуникации, политической семиотики и лингвистики: библиографический указатель. — Барнаул : Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2007.
4. Костылев Ю. С. Языковые средства создания образа врага советской отраслевой кинематографической печати 1930-х гг. // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 88—92.
5. Окунева И. О. Приемы речевого воздействия в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 104—116.
6. Президент Российской Федерации Д. Медведев. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения: 28.08.2012).
7. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 17 т. — М. : Воскресенье, 1997. Т. 16.
8. Сергеева Е. В. К вопросу о некоторых манипулятивных приемах в текстах предвыборной агитации (на материале кампании 2011 г.) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 46—52.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева